

Каринэ Размиковна Амбарцумян
Тамара Александровна Булыгина
Северо-Кавказский федеральный университет

Образ „другого” в текстах „своих” и „чужих” „кавказцев” XIX века: опыт сравнения

Инкорпорация северокавказского региона в социокультурное российское пространство происходила не только на основании территориального вхождения. Важную роль в этом процессе сыграли интеллектуальные рефлексии и стремление к осмыслению места Северного Кавказа в общероссийском контексте. В этой связи значимо изучение процесса конструирования образов региона в дискурсе „своей-другой-чужой”. Содержание данного имагологического концепта в сознании менялось в зависимости от исторического контекста, который был одним из факторов, формирующих оценки современников в отношении региона.

Исследователи большое значение в интеллектуальном освоении региона в XIX веке придают литературной традиции, ставшей важным источником информации о крае¹. Кавказ был источником вдохновения, и во многом именно благодаря писателям о нем было известно широкой общественности, и именно они формировали представления о Северо-Западном Кавказе². Традиционно, историки отмечают сильное влияние на образы региона, оказываемое находившимися на Кавказе офицерами³. Характеризуя видение Кавказа рус-

¹ Статья подготовлена в рамках реализации проекта „Северный Кавказ в социокультурном пространстве дореволюционной и советской России” поддержанного федеральной целевой программой „Научные и научно-педагогические кадры инновационной России” на 2009–2013 годы (соглашение № 14.В37.21.0257) А. Урушадзе, *Формирование образа Кавказа в российской общественной мысли (конец XVIII – середина XIX века)*, <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=3204&level1=main&level2=articles> [dostęp 25.03.2013].

² А. Е. Савельев, *Северо-Западный Кавказ в российском общественном сознании: конец XVIII–XIX веках*, rozprawa kand. nauk hist., 07.00.02, Krasnodar 2005, 210 s.

³ Там же.

ским человеком в XIX веке, русский писатель и историк Я. Гордин отмечает различие в сознании имперской элиты и офицеров. Первые были носителями „имперского романтизма”, при котором Кавказ воспринимался как „творческое пространство”, для вторых регион был заурядным театром военных действий⁴.

Образ Кавказа в российском и европейском общественном сознании первой половины XIX века занимал место „чужого”, „другого” в социокультурном пространстве России и европейского мира. Однако, несмотря на общие черты этого образа, каждый текст о Кавказе имел свою специфику, привносимую индивидуальностью автора. Предлагаемые источники, во-первых, представляют взгляд из России и из Европы, что неминуемо меняет фокус и вектор зрения. Во-вторых, характеристика Кавказа обусловлена личностями авторов – Сергея Дмитриевича Безобразова, Александра Александровича Бестужева (литературный псевдоним – Марлинский) и знаменитого французского писателя Александра Дюма. В-третьих, на восприятие Кавказа, безусловно, влияли различные целевые установки авторов.

В соответствии с лермонтовским понятием „кавказец”⁵ это тот, кто служит на Кавказе по воле или неволе. Он делил этот род людей на настоящих и статских кавказцев. В этом делении настоящий кавказец – А. А. Бестужев, а статский – С. Д. Безобразов. А. Дюма – иной тип – это праздный путешественник, но его увлечение Кавказом окрасило и его черты кавказским светом. Будем его считать третьей разновидностью „кавказца” – путешественник.

Сравнение текстов российских или „своих” „кавказцев” интересно тем, что они были „кавказцами поневоле”. Кроме того, они были знакомы, как утверждает ставропольский литературовед А. В. Попов⁶. Вначале карьера молодого кирасира С. Д. Безобразова складывалась блестяще, да и сам он, по описанию декабриста Лорера, был красив, блистал в обществе. Безобразов был адъютантом цесаревича Константина, а затем был назначен в чине штабс-ротмистра флигель-адъютантом Николая I. Вскоре он женился по любви, но оказалось, что молодая жена – фаворитка императора. После громкого скандала Безобразов был отправлен на Кавказ, где участвовал в боях и был тяжело ранен. В 1836 году полковник С. Д. Безобразов командовал

⁴ Я. Гордин, *Русский человек на Кавказе. Предварительные заметки о кавказской утопии*, <http://magazines.russ.ru/zvezda/2002/7/gord.html> [dostęp 25.03.2013].

⁵ М. Ю. Лермонтов, *Кавказец*, [w:] Tenże, *Сочинения в 4-х томах*, т. 4, Moskwa 1986, s. 338–341.

⁶ А. В. Попов, *Декабристы-литераторы на Кавказе*, Stawropol 1963, s. 95.

44-м Нижегородским полком и Лезгинской линией. Впоследствии он в чине генерал-майора командовал 2-ой бригадой 14 пехотной дивизии при Отдельном Кавказском корпусе. Именно тогда он составил записку на имя Командующего Отдельным Кавказским корпусом „Рассуждение и мнение о покорении Кавказа 1842 года”⁷.

К моменту встречи с Безобразовым в Ставрополе в 1834 г. рядовой Кавказской армии ссыльный декабрист А. А. Бестужев-Марлинский уже не раз участвовал в боевых действиях во время русско-турецкой войны. В прошлом штабс-капитан лейб-драгунского полка, блестящий гвардейский офицер, адъютант генерала Бентанкура, он прибыл после каторги и поселения из Якутска на Кавказ в августе 1829 года. Бестужев-Марлинский был приписан к тому же 44-му Нижегородскому драгунскому полку. Несмотря на свое положение, он стал членом избранного тифлиского общества как известный литератор и друг лучших людей России. В начале 1830 г. он отправился в Дербент рядовым 1-ой роты Грузинского 10-го батальона, несшего гарнизонную службу. До приезда в Ставрополь декабрист пережил осаду Дербента в 1831 г., участвовал в боевых походах отряда генерал-адъютанта Панкратьева в Северный Дагестан, путешествовал по Азербайджану. К этому времени он был автором многих популярных в российском обществе книг, в столичных журналах. Ряд этих произведений имели кавказские сюжеты, к примеру, повесть „Аммалат-Бек. Кавказская быль”. Позже, уже после встреч с Безобразовым, Бестужевым-Марлинским были написаны 6 очерков о его путешествии из Дагестана в Азербайджан. Последним кавказским сюжетом писателя стала повесть „Мулла-Нур”, опубликованная в 1836 г., за год до его гибели у мыса Адлер⁸. Вторая встреча Бестужева с Безобразовым состоялась в феврале 1835 г. в Невинном Мысе, где полковник поправлялся после тяжелого ранения. Марлинскому оставалось жить 2, а Безобразову – 42 года. Первому из фигурантов было 38 лет, второму – 26.

Перед нами тексты двух русских современников на очень популярную в те годы кавказскую тему. Их авторы – представители русского просвещенного общества, игрою судеб заброшенные на Кавказ. При всей общности их взглядов на настоящее и будущее Кавказа как части Российской империи, у каждого – свои биографические и личностные контексты. Приоритетом Безобразова, как человека, посвятившего свою жизнь военной службе на Кавказе и проведен-

⁷ С. Д. Безобразов, *Рассуждение и мнение о покорении Кавказа 1842 года*, „Кавказский сборник” 2005, № 2

⁸ А. А. Бестужев-Марлинский, *Сочинения в двух томах*, т. 1, 2, Moskwa 1958.

го в военных походах в этом краю 8 лет, было достижение главной военно-политической цели России на Кавказе – усмирение и приведение в полное подданство империи кавказских народов. Кавказ должен был стать органической частью российской территории и прочным плацдармом в борьбе с южными и восточными соседями.

А. А. Бестужев-Марлинский – государственный преступник, покусившийся на основы этой самой Российской империи, тем не менее, был участником завоевания Кавказа, ощущавшим себя не менее Безобразова гражданином России. Как и Безобразов, он воспринимал Кавказ как „другое”, а Россию как „наше”. В то же время не столько его бунтарское прошлое, сколько блестящее гуманитарное образование и литературная одаренность провоцировали интерес Бестужева не столько к военной теме в кавказском сюжете, сколько к истории и этнографии. Если он, таким образом, различал „другое” через народные обычаи, местную природу и трансформировал свои впечатления в литературный текст, используя талант художника, то главный угол зрения Безобразова – война. Безобразов также обращается к этнографии, к описанию горских традиций, но эти сюжеты не были целью автора, как в случае с Бестужевым-Марлинским, а лишь средством для решения военных задач.

Цель писателя – описание жизненного пространства и способа жизни в нем „другого” – „вот, что я видел, вот что мне известно”. Цель военного – найти средства победоносно для России завершить Кавказскую войну, определить способ „вести войну против горцев”. Бестужев знакомит читателя с театром войны, включая сюда не столько дислокацию противных сторон, сколько давая точную характеристику территории проживания народов Дагестана.

Надо отметить, что и гражданские позиции этих двух современников и участников Кавказской войны несколько различаются. Не случайно один из них был замешан в антиправительственном политическом заговоре, а другой, несмотря на превратности личной судьбы, был верным слугой самодержавия, иначе не сделал бы такую военную карьеру. Бестужев с сочувствием относится к борьбе своих литературных героев – горцев за личную свободу. Однако нельзя преувеличивать это обстоятельство. В большей степени такое сочувствие объясняется романтическим стилем писателя. В центре его повествования – прежде всего, романтический бунтарь, мстящий за личные обиды и унижения, как в случае с Аммалат-беком, так и с Мулла-Нуром, а вовсе не борьба за независимость народов Кавказа против российского владычества.

Анализируемые тексты различаются также не только судьбами и психологией их авторов, но и жанрами анализируемых произведений. У С. Д. Безобразова – это фактически военное донесение, по крайней мере, проект „покорения Кавказа”, подготовленный военным человеком, что сказывается и на стиле текста. А. А. Бестужев-Марлинский – писатель-романтик, его сюжеты вписываются в романтическую прозу 30-х годов. Даже его очерки, богатые этнографическим материалом, не выходят за пределы романтизма.

Вместе с тем, тексты Безобразова и Бестужева роднят понимание „другого” как враждебного и безоговорочная поддержка цивилизаторской миссии России по отношению к Кавказу. Так, у Безобразова восприятие „своего” выражено местоимениями „мы, наше”, которые автор в данном контексте на 11 страницах использует более 50 раз. Чаще всего эти слова употребляются в сочетании „наши войска”, „наши полки”, „наши пушки”, а также „мы сильнее”. Намерения закрепить Кавказ как российскую территорию отражены в понятиях „строить”, „строители”, „укреплять(ся)”. Словосочетание „мы строители” встречаем в тексте Безобразова более 10, „мы укрепляемся” – более 20 раз. А. А. Бестужев-Марлинский наиболее емко формулирует миссионерство России в отношении к Кавказу, когда надеется, что „елей просвещения смоет кровь с крутин Кавказа”⁹.

Для того чтобы приблизить жанры сравниваемых документов, мы остановились в основном на письмах А. А. Бестужева-Марлинского, в которых стиль автора-поэта не замутнен жанровой необходимостью, а отражает внутренние свойства натуры Бестужева. В этих текстах мы находим дискурсы, характерные и для документа Безобразова, однако с иным контекстом. Горец у писателя – тоже „разбойник”, но вполне в романтическом духе „разбойник гор”, также как „орел – разбойник воздуха”. У писателя – „разбойник” ассоциируется с „героем”, вроде благородных разбойников в романтическом творчестве Европы. Если Безобразов употребляет „вольнодумцы” как синоним „дикарь”, то Бестужев отмечает стремление к вольности как положительную черту романтического героя¹⁰. Не случайно Бестужев замечает, что жизнь горцев ждет „своего Вальтер Скотта”. По аналогии с индейцами он говорит о плохих и хороших горских вождях.

В то же время Бестужев, говоря о „волнах дикарей из Азии”, сохраняет общую для российской культуры европоцентристскую тра-

⁹ А. А. Бестужев-Марлинский, *Письмо доктору Эрдману*, [w:] Tenże, *Сочинения в 2-х тт.*, т. 1, Moskwa 1958, s. 299.

¹⁰ Tamże, s. 299.

дицию. „Кровожадность” и воинственность горцев с младенчества, „когда даже ребенок пастух, вооружен кинжалом”, он противопоставляет чудной природе Кавказа. Знакомый мотив звериной дикости то и дело проступает и на страницах книг поэта-декабриста – „лютость зверей”, „железное племя кавказское”, которое коснеет в „первобытной дикости”, „зверские крики радости”. Однако Бестужев, в отличие от Безобразова, ищет оправдания этой жестокости и дикости в самой природе, которая дает уроки жестокости с младенчества. Согласно романтической традиции он уподобляет человека природной стихии. Горцы, „подобно снегам своих гор”, „алчут буйной свободы”, разбоя. В письмах к брату Павлу Бестужеву в 1833 году он писал, что жители сохранили еще много прежнего зверства, оттого что могут легко укрываться в горы¹¹.

Иногда Безобразов для обозначения „своего” использует слово „русские”. Как правило, оно означает официальное обозначение „нашего” – „Русские начальники”, „русские командиры”, „русское правительство”, „российское управление”, встречающиеся в тексте около 20 раз. Этот термин выступает признаком нации, империи. Чаще всего „русские”, „наши” имеют позитивный оттенок, отражают гордость за Родину и признание ее могущества. Вместе с тем, честный служака, патриот России в ряде случаев упоминает „наших” в негативном контексте, с болью за „свои” просчеты. Речь здесь идет о злоупотреблениях „наших” чиновников на Кавказе, их мздоимстве, „неумеренном и несправедливом хищничестве”, которые изнутри мешают решать главную военную задачу. В связи с этим, автор проявляет политическую наивность, считая, что положение можно исправить, назначив в управление Кавказом „честных” начальников. Безобразов совершенно не задумывается, что „нечестными” начальниками не рождаются – их создает система.

В текстах Бестужева-Марлинского „свой” чаще позиционируется как „русский”. В отличие от Безобразова писатель рисует обобщающий портрет „нашего”, что обязывает использовать этот термин. В ряде случаев „русские” – это собирательный образ, встроенный в художественный текст. Свое – это „русские штыки”, горец „чистит винтовку на глазах русского постояльца”, „отряд русских успел разбить шайки возмущившихся жителей”, „ужас для русских – минута”, „русская граната рассыпалась звездой спасения”. Иногда же контекстом „русского”, как и у Безобразова, является общенациональное –

¹¹ А. А. Бестужев-Марлинский, *Письмо П. А. Бестужеву от 18 июня 1833 г.*, [w:] *Тепле, Сочинения...*, s. 644.

„миродатное владычество русских”. В письмах Бестужев изредка употребляет „наше” в смысле „своего”, когда автор становится участником событий Кавказской войны: „против нас мастерски пользуется знанием местности Кази Магомед”, „наши великаны”, „храбрые защитники крепости Бурной”¹².

В документе Безобразова более 30 раз повторяется слово „покорение”, что выдает в авторе военного человека, активно участвующего в Кавказской войне. Это понятие маркирует главное действие, главную задачу, от успеха которой зависит процветание России. Синонимом этого термина является „обуздание”. Очевидно, что в проекте военного покорения Кавказа часто используются военные термины „защита”, „меры кроткие” наряду с „воинственными”, „военные действия”, „доблестная война”. К ним же относятся и слова „набеги”, „разбой”, „нападения”, „захват”, „истребление”, „смертоубийство”, означавшие военные приемы. Даже „хищничество” употребляется Безобразовым неоднозначно. По его мнению, есть хищничество несправедливое и справедливое. Военная терминология характерна и для кавказских произведений Бестужева: „Славная школа войны наш Кавказ”, „Ежедневная война с горцами”. Даже давая характеристику племенам Кавказа, писатель знакомит читателя с „театром дагестанской войны”.

Народы, населяющие непокорный Кавказ, оцениваются С. Д. Безобразовым также с европоцентристских позиций, типичных для российского образованного общества XIX века. Это, по мнению автора, дикие, отсталые племена. Поэтому-то он часто в отношении к ним употребляет глагол „укрощать”, что изначально предполагает действие в отношении диких зверей. „Другой” в данном случае ближе к миру природы, чем к цивилизованному обществу, каковой являются Европа и Россия. В проекте Безобразова распространенными эпитетами горцев выступают прилагательные „дикие”, „буйные”, „необузданные”, которые встречаются в тексте более 10 раз. В сознании российского военного горские народы маргинальны, асоциальны, что отражено часто употребляемыми понятиями „шайки”, „разбойники”. Противопоставление „европейца” и „азиата” явственно слышится в эпитете „безнравственный”, который в данном контексте означает несоответствие этике европейца.

В то же время, будучи настоящим военным, Безобразов подчеркнуто уважительно оценивает военные способности горцев.

¹² А. А. Бестужев-Марлинский, *Письма из Дагестана*, [w:] Tenže, *Сочинения...*, s. 5–60.

Он осознает „другого” как военного противника – „неприятель”, „отчаянные враги”, „воинственная страна” встречаются в его проекте около 10 раз. Правда, могущество горских племен в войне автор объясняет не их „способностями”, а „возможностями”, которые дает народам Кавказа местная природа. Безобразов предостерегает от суждения о кавказских народах как о нации. Это „шайка разбойников”, способная побеждать массой. Он отказывает горцам в наличии вооруженных сил, т.к. допускает существование армии только в европейском ее понимании. Кавказ – это дикая природа, а не рукотворное укрепление, „крепость”. Иное толкование в представлении автора документа не только унижает военное достоинство России, но и вредит ее борьбе по завоеванию Кавказа.

Один из признаков „европейства” обоих авторов – их принадлежность к христианской цивилизации, которая одновременно является жесткой границей между „своим” и „другим”. Вот почему оба обращают внимание на религиозность „другого”. Безобразов подчеркивает слабость исламской веры среди горцев, как свойство, важное для оценки их боевых качеств. В ряде случаев Бестужев подтверждает неукорененность мусульманства среди кавказских народов. Как человек религиозный, он в исламе видит причину безнравственности и вероломства: „Магометанство – душевная проказа человечества”, „дух мятежа в религиозной оболочке”. Любознательность гуманитария и художника заставляет вникнуть его в особенности „магометанства”, определяя различия суннитов и шиитов.

Кавказская природа в оценке С. Д. Безобразова является одной из характеристик „другого”, который приобрел образ военного противника. Он не столько восхищается „богатой местной природой, орошаемой источниками”, сколько рассматривает ее как выгодный для горцев плацдарм – „твердыни” гор, но особенно лесов. Автор практически оценивает богатства кавказской земли, которая имеет „все, что для неприхотливой жизни человека нужно, даже в излишестве”. Он изучает местную природу как диспозицию противника, которую надо учитывать при ведении военных действий.

Как и для военного Безобразова, для Бестужева-Марлинского природа этого региона – одна из черт „другого”. Однако воспринимается эта „другая” природа поэтом-романтиком без того утилитарного подхода, который характерен для Безобразова: „Кто видел Кавказ в грозу и вёдро, тот может умереть, не завидуя Швейцарии”. Перед нами – романтическое описание гор, сравниваемых с волнами застывшего океана, „алмазная пена снегов”, облака „как стада златорунных

овнов”, „млечные струи горных потоков”, „роскошь” разнообразной растительности¹³.

С практических позиций военного дела оценивал Безобразов образ жизни „другого” – „неприхотливость” в быту, „склонность к справедливости”, „хищническое рыцарство, которое клонится к героизму – требует маски победоносной в народном отголоске”. Автор зорко подметил этический ракурс представлений горцев о разбое и героизме как синонимах, но оценивал эти черты с точки зрения военных задач и европейских традиций.

Военные возможности горцев оценивал и Бестужев. Так, он пишет о шапсугах как лучших воинах – „их дворяне храбры”, „у горцев есть артиллерия”¹⁴. Между тем, описание внешности, быта, образа жизни и нравов дается Бестужевым с очевидным вниманием к положительным, с точки зрения европейца, качествам кавказских народов. Он сравнивает наружность горца с фигурами античных героев, восторгается горскими женщинами, гостеприимством, уважительным отношением к врагу. Все это соседствует с бедностью и неопрятностью. Своим художественным чутьем он смог глубже проникнуть в глубины характера „другого”. Бестужев чутко уловил циклическое, вневременное восприятие горцами окружающего мира. Для них „нет ни вчера, ни завтра, ни настоящего”. Он отмечал, что Бог дал горцам „довольно ума” – подобное замечание раскрывает нам не столько взгляд русского участника Кавказской войны, сколько наблюдательного гуманитария и художника. Замечая, как и Безобразов, присущий горцам „дух разрушительности”, Бестужев, в отличие от первого, представляет характер этого „другого” как более многообразный и противоречивый. Эти народы, по мнению писателя, „более любят ружье, нежели заступ, охотнее переносят нужду, нежели труд”. Им нужнее враг, нежели друг.

Характерно пренебрежение Безобразова к избыточному, т.е. бесполезному в отношении войны знанию о „другом”. Например, он знает, что черкесы существуют „в различных наименованиях по племенам”, но не считает необходимым их различать. В то же время писатель Бестужев-Марлинский, пользуясь любым случаем, подробно описывает географию кавказских племен на карте Кавказа¹⁵.

¹³ А. А. Бестужев-Марлинский, *Письмо доктору Эрдману*, [w:] Tenže, *Сочинения...*, s. 298–299

¹⁴ А. А. Бестужев-Марлинский, *Письмо М. А. и Н. А. Бестужевым 1 дек. 1935 г.*, [w:] Tenže, *Сочинения...*, s. 5–6.

¹⁵ А. А. Бестужев-Марлинский, *Письма из Дагестана*, [w:] Tenže, *Сочинения...*, s. 5–6.

В формировании образа „другого” важную роль играет характеристика взаимоотношений „своего” и „чужого”. Безобразов не акцентирует внимания читателя на отношении „нашего” к „другому”. Он позиционирует свою точку зрения как „нашу”. Отношение же к „нам” соответствует представлениям об отношениях двух враждующих лагерей – это „ненависть”, „противостояние”, „сопротивление упорное”, „недоверие”. В то же время война как бы уравнивала действия „своего” и „другого”. Для них общими понятиями стали „набеги”, „хищничество”, „война с рвением”, „убийство”, „поджоги”, но с разными акцентами. Если для „наших” это оправданная тактика, то для „другого” это недопустимая „дикость”.

В отличие от военного поэт не так прямолинейно оценивает отношения „чужого” к „своему”. Он считает, что ненависть горцев рождена не глубоким чувством, а практической выгодой. В данный момент им было выгоднее ненавидеть русских. Что касается отношения „нашего” к „другому”, то тут Бестужев ничем не отличается от любого кавказского солдата или офицера. Главный мотив всех его писем – „усмирение” „азиатцев”. Вообще у Безобразова отсутствует обобщающий образ Азии, в контексте которой рассматривает Кавказ Бестужев. Неудивительно, ведь в тексте Безобразова все идеи, основания и рассуждения конкретны и подчинены задаче покорения Кавказа. В текстах Марлинского много аналогий, описаний, общих размышлений о судьбе России.

Иной контекст у записок А. Дюма, который был известен не только как писатель-романист, но и страстный путешественник. Поездка в Россию в 1858–1859 годах стала одной из самых увлекательных и экзотических в его биографии, писатель проехал от Санкт-Петербурга до Астрахани, а далее отправился на Кавказ. Впечатления, полученные в поездке, легли в основу книги „Путешествие на Кавказ”. Произведение было встречено с интересом, пользовалось популярностью и поэтому часто переиздавалось. Интеллектуальный опыт писателя-романиста и взгляд извне, со стороны, наложил отпечаток на образы Кавказа. Он писал о том, что могло задеть иностранца-путешественника и что могло привлечь внимание европейского читателя. Любой текст нуждается в дешифровке, когда требуется понять многообразные исторические, психологические и социокультурные контексты, но более всего в такой дешифровке нуждаются тексты иностранных наблюдателей. В этом случае, по словам Ю. М. Лотмана, в самом характере их непонимания чу-

жой страны кроются ценные сведения¹⁶. Ученый обращал внимание, что местный наблюдатель игнорирует норму, отмечая исключительное, а для стороннего наблюдателя все увиденное – исключение. Это сближает всех трех авторов. Они все – сторонние, не владеющие „сложной многозначностью чужой культуры”. Следует также обратить внимание на замечание Лотмана о том, что даже если путешественник и знает чужой язык, он не постигает прагматическое использование чужих слов и отношение говорящих к этим словам.

„Кавказ” – это книга о кавказцах-аборигенах и о русских „кавказцах”, написанная французом для французов¹⁷. Сопоставление данных из его донесений и описаний России дает основание считать достоверными и сведения Дюма о Кавказе¹⁸. Очевидно, что в отличие от русских авторов А. А. Бестужева-Марлинского и С. Д. Безобразова для Дюма понятие „чужой” относится не только к Кавказу, но и к России. Поэтому в его сочинении „нашим” и „своим” является исключительно французское. Образ Кавказа у Дюма не несет отпечаток активных военных действий, которые также делят кавказское общество на „своих” и „чужих” военных противников. Образы Кавказа у Безобразова и Бестужева-Марлинского в связи с этим описаны более экспрессивно. Дюма описывал Кавказ в условиях близившегося завершения войны (к концу его путешествия пленили Шамиля), но войны „чужой”, хотя и дававшей романисту богатый приключенческий материал, переплавлявшийся в тексте в многочисленные истории о похищениях, ограблениях, столкновениях. Однако в них чувствуется бесстрастный голос стороннего путешественника, для которого – это местная экзотика, а не отечественная политика, от которой зависит судьба своей страны. Писатель спокойно рассуждал о том, что окончательное покорение горцев русскими войсками иллюзорно. Он писал, что „когда горцу угрожает мщение, он покидает свою местность и вливается в дружину Багратиона”¹⁹. В сочинении Дюма описывается отряд Багратиона, составленный из представителей горских народов, под которым, скорее всего, подразумевается Дагестанский конный полк.

¹⁶ Ю. М. Лотман, *К вопросу об источниковедческом значении высказываний иностранцев о России*, [w:] Tenže, *История и типология русской культуры*, Sankt Petersburg 2002, s. 677.

¹⁷ О. Буянов, *„Кавказе” Дюма*, [w:] А. Дюма, *Кавказ*, Tbilisi 1988, s. 26.

¹⁸ Там же, s. 24.

¹⁹ А. Дюма, *Кавказ*, Tbilisi 1988, s. 200.

В то же время путевые записки А. Дюма по жанру близки сочинениям А. А. Бестужева-Марлинского. Дело не только в общем профессиональном подходе литераторов к текстам, но и общности романтической линии XIX века. Однако метод „чужого” наблюдателя, отмеченный Ю. М. Лотманом, применим и к текстам французского путешественника. В описании Кавказа А. Дюма обращает внимание на такие детали, которые для русского человека, долго прожившего в этом крае, стали обыденными и привычными. В частности, увлекаясь поваренным делом, он подробно описывал кавказскую кухню: „... если встречаю хорошее блюдо, тотчас выведываю секрет его изготовления, чтобы обогатить этим кулинарную книгу, которую давно задумал”²⁰. Таким блюдом, восхитившим французского гурмана стал приготовленный в дороге шашлык, который „почитают повсюду на Кавказе”²¹. А. Дюма, таким образом, оказался первым, кто записал кавказские рецепты, и тот самый шашлык из баранины вошел в его „Большой кулинарный словарь”.

А. Дюма как человек, взращенный на европейских цивилизационных доминантах, был носителем определенных стереотипов и пространственно-временных категорий европейского ориентализма, и в этом также был близок представителям российской культуры. Кавказ он мыслил как часть Востока с характерными признаками последнего. Формирование образа „чужого” и „своего” как раз и проходило у Дюма в контексте оппозиции „Восток-Запад”. Столкнувшись в Кизляре с повсеместным и массовым ношением оружия жителями города, писатель делает замечание о том, что оружие на Востоке не просто средство защиты, а способ предупреждения²². Дюма структурирует и пространственную границу между восточной и западной цивилизацией воплощенную в Дербенте. Он увидел в этом городе „стену, призванную отделять Азию от Европы”²³, да и сам город воспринимал как азиатско-европейское пограничье.

В отличие от того же Безобразова, который обладал „бесполезным” знанием о „другом”, француз на тему локальных этнических перегородок не рефлексировал. В своей идентификации местного населения он шел вслед за русским обывательским стереотипом, называя большинство горцев татарами. Это и „татарское кладбище” на подходе к Дербенту, и безымянные „татарский мальчик” или „татар-

²⁰ Там же, s. 70.

²¹ Там же.

²² Там же, s. 72.

²³ Там же, s. 208.

ский князь”²⁴. Автор в своих текстах отмечал культурное многообразие Кавказа, но не выделял многообразия этнических локальных сообществ региона. Внутренние этнокультурные локусы не занимали путешествующего писателя, о них он формирует у читателя обобщенное представление, как о пестром и живописном фоне, приблизительно таком, как и сам кавказский пейзаж. В Кизляре: его поразила „... смесь одежд. Армяне, татары, калмыки, ногайцы и еврей толпятся на его улицах, и все в своих национальных костюмах”²⁵. Читатель может только догадываться, кто понимается под обобщающим и не совсем уместным этнонимом „татары”. Изредка встречаются названия „лезгины”, „черкесы” и т.д., но в узких частных случаях, да и тогда они часто перемежались с пресловутым „татары”.

Характерно, что для А. Дюма непонятными и далекими, как кавказские народы, были и русские, встречавшиеся на его пути, со своим бытом, культурой и традициями. Абориген и русский „кавказец” были для него равно экзотикой. Для француза они были не „своими”, „чужими”. При этом оценочные суждения автора формируются не только под влиянием его цивилизационной самоидентификации, но и его ярко-выраженной индивидуальности. Он с осуждением говорит о небрежном отношении русских к кухне, к еде и чаепитию: „... для них все равно, лишь бы только кипел самовар или дымился чай в стаканах. . . Они делают тоже, что делают арабы, отведав финики утром и финики вечером”²⁶. Вообще граница между „своим” и „чужим” у него проходит, прежде всего, в кулинарии, т.е. в повседневном бытовании. Его возмущала не столько скудость пищи, сколько отсутствие нужного ритуала в ее приготовлении. Европоцентристская модель восприятия „другого” и „чужого” имела при этом колоссальное значение. Личность князя Багратиона как русского европейца воспринималась Дюма именно потому, что князь „жил во Франции, любил Францию и так хорошо оценил ее растительный и животный мир, четвероногих и двуногих”²⁷, с ним знаменитый француз голода не страшился.

Евроцентризм и ощущение цивилизационного снобизма ощущается даже при описании отдельных этнических фенотипов: монголы и калмыки оценивались как „резкие типы человеческого безобразия”, черкесы оценивались как красивые, особенно мужчины, но с ни-

²⁴ Там же, s. 76.

²⁵ Там же, s. 78.

²⁶ Там же, s. 205.

²⁷ Там же, s. 205.

ми могли „по красоте” поспорить грузины. Представления о внешности были вполне конкретными и очень узкими, красота представлялась цивилизационной характеристикой²⁸.

Русских и кавказцев А. Дюма различал, но как части единого целого. Образ Кавказа в сознании француза содержал в себе сочетание аборигенов и русских. Его описания типично кавказских реалий перемежаются с рефлексиями на тему русских особенностей. Он говорит о нелепости и комичных формах российского чиновничества. В качестве примера приводит следующий эпизод. Для усиления собственной значимости и облегчения дорожных трудностей он повесил на грудь испанскую звезду Карла III: „видя меня, спешили не только удовлетворить мои желания, но и даже предупреждать их”²⁹. При этом никто не имел понятия, что означает награда. Описывая эти путевые курьезы, писатель пространственно не отделяет Кавказ от России. Если вырвать эпизод из пространственного контекста, можно решить, что все это происходило в России.

Важно осознавать еще одно обстоятельство при конструировании образа Кавказа А. Дюма. Его впечатления в значительной мере формировались под влиянием представителей русской администрации, с которыми он имел дело чаще, чем с горцами. „Чужой”, таким образом, – и русский, и горец, часто воспринимаемый через видение тех же русских. Этот двойной взгляд сближал представление стороннего наблюдателя и „кавказца” на Кавказ и его коренных жителей.

В целом образ Кавказа во всех трех текстах представлен с позиций европейской ориенталистики, но имеет множество индивидуальных особенностей, среди которых главная – причастность к этому месту как родному или стороннему.

Karine Razmikowna Ambracumjan, Tamara Aleksandrowna Bułygina

Образ „инного” в текстах „своих” и „обcych” Кавказцев XIX wieku.

Próba porównania

Streszczenie

W artykule autorki porównały spuściznę intelektualną pisarzy – Siergieja Biezobrazowa, Aleksandra Bestużewa i Aleksandra Dumasa, co pozwoliło wyłonić różnice w odbiorze Północnego Kaukazu przez przedstawicieli Rosji i Europy. Niezależnie od wszyst-

²⁸ Там же, s. 142.

²⁹ Там же, s. 69.

kich różnic w rozumieniu kategorii swój – inny – obcy, wspólne dla tych trzech autorów było postrzeganie Kaukazu przez pryzmat europejskiej orientalistyki, co przejawiało się w wartościujących sądach dotyczących życia mieszkańców Kaukazu. Mianem Kawkaziec autorki określają podróżników, wojskowych oraz pisarzy, którzy w swych utworach i notatkach utrwalali obraz Kaukazu.

**The image of the “other” in the texts of “us” and “them” “Caucasians” XIX century:
the experience comparison**

Summary

In the article authors compared the intellectual heritage of S. D. Bezobrazoff, A. A. Bestuzhev-Marly and Alexandre Dumas, which revealed differences in the perception of the North Caucasus region of Russia and Europe. With all the differences in the understanding of copyright “his-another-another,” was the common position of European Orientalism, reflected in value judgments about Caucasian life.

